

**К ВОПРОСУ О ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ДАГЕСТАНА И ГРУЗИИ
(с древнейших времен до середины XIX в.)**

Торгово-экономические и культурные связи народов Северного Кавказа и Закавказья, более узко – Дагестана и Грузии, восходят к глубокой древности. На это указывают исследования многих кавказских ученых, среди которых особо можно выделить имя выдающегося ученого, академика, инициатора создания и руководителя Археологического центра АН Грузии О.Д. Лордкипанидзе, памяти которого посвящена настоящая конференция.

Много для изучения культурных связей кавказских народов с древнейших времен сделал дагестанский археолог д.и.н. М.Г. Гаджиев, сам принимавший активное участие в таких встречах, как сегодняшняя. Основываясь на своих обширнейших археологических исследованиях, он утверждал, что еще в эпоху бронзы «значительное культурное сходство намечается между группами памятников, характеризующих раннеземледельческую культуру Западного Закавказья. Такое же сходство мы наблюдаем между неолитическими поселениями горного Дагестана и одновременными памятниками Центрального Предкавказья и Кахетии, что, возможно, объясняется существованием между носителями очень тесных контактов, наличием близких или общих культурных подоснов» (Гаджиев М.Г., 1991. С. 108).

С середины II тыс. до н.э. на Северном Кавказе складываются каякентско-хорочоевская, кобанская культуры, носители которых поддерживали связи с населением сопредельных регионов Кавказа. В эпоху скифов, возникновением Урартского государства, а также Колхидского, Картлийского, Армянского, Албанского, Боспорского царств связи населения Северного Кавказа и Закавказья расширялись, чему в немалой степени способствовало появление дороги, известной под названием «Арагвис-кари», «Овстакари». На рубеже I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. для развития связей Северного Кавказа и Закавказья возрастает значение прикаспийского пути, вдоль которого появляются и разрастаются города, способствующие товарообмену и торговле.

В эпоху Помпеи индийские товары шли из Индии в Бактрию, отсюда – к Каспийскому морю, а далее по Куре и Фасису к Черному морю. Посредниками в торговле, происходившей в горах Кавказа, были албанцы, иберы и др. Все это способствовало развитию экономических связей населения Закавказья и Северного Кавказа, включая и Дагестан (Гасанов М.Р., 2004. С. 97–98).

Большую роль в контактах населения Северного Кавказа и Закавказья сыграл Великий шелковый путь, сложившаяся система караванных путей, которая обращает внимание многих современных исследователей как один из важнейших путей торгового обмена и общения племен VII–IX вв. Усилению взаимосвязей кавказских племен и народов способствовала их миграция, последовавшая в период «Великого переселения народов».

Исследователи, занимавшиеся и занимающиеся изучением распространения христианства в Дагестане, хотя и не получившего широкий характер, отмечают его влияние на различные аспекты развития и взаимоотношения кавказских народов. Начиная с середины IV в. н.э. в распространении христианства в Западном Дагестане большую роль играла Картлы. В грузинском источнике «Картлис цховреба» даже утверждается, что в христианство было обращено большинство кавкасионов.

Однако обращение горцев в христианство было длительным процессом. В цахурском владении, известном в средневековье под названием Цукетии, была выстроена церковь «Касри». В последующие века проникновение христианской религии в западные районы Дагестана принимает более широкий характер (Гасанов М.Р., 2004. С. 153–154, 156). В ходе работ археологических экспедиций Института истории, языка и литературы

Дагфилиала АН СССР (ныне Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН) в 1955–1957 гг. на территории, входившей в Серир, был найден разнообразный археологический материал, свидетельствующий о раннем проникновении христианства в аварские аулы. На раскопках, проведенных археологической экспедицией под руководством В.Г. Котовича в сел. Урада, в могильнике были найдены два каменных креста. По мнению В.Г. Котовича, захоронение было проведено согласно обрядам грузинского христианства.

Археолог Д.М. Атаев, работавший в Шамильском и других районах Дагестана, опираясь на сообщения местных жителей, писал, что в Гидатле имелись христианские церкви. Они были в селениях Урада и Тидиб. В аулах Цумадинского, Шамильского, Гумбетовского, Унцукульского, Ботлихского и других районов населением приводились сведения о наличии христианских памятников.

Изучением христианских памятников и церквей в этих и в Хунзахском районах многие годы занимается организатор нынешней конференции, президент «Фонда Кавказа», сопредседатель «Комиссии по научному сотрудничеству со странами Кавказа» Г.Г. Гамбашидзе. Его хорошо знают в Дагестане и благодарны ему за помощь в изучении археологических памятников.

О времени и степени распространения христианства в Дагестане свидетельствует и лингвистический, топонимический и фольклорный материал. На основе их изучения Д.М. Атаев писал: «Время упрочения христианства в Аварии падает на X–XII века, т.е. на эпоху, когда средневековая Грузия достигла вершины своего политического и культурного развития. Именно к этому периоду относится большинство христианских древностей Аварии» (Атаев Д.М., 1963. С. 209).

Новый этап в грузино-дагестанских отношениях был связан со значительным ростом торгово-экономических и культурных связей. Если Дагестан к этому времени оставался территориально раздробленным на несколько частей, то Грузия, представлявшая собой единое централизованное государство, достигла наибольшего политического и экономического подъема, стала одним из ведущих государств Кавказа. Под властью грузинского царя были объединены не только чисто грузинские княжества, но и ряд закавказских земель. Большую роль в объединительной политике играл грузинский царь Давид Строитель (1089–1125 гг.). При нем в состав Грузии был включен Дербент.

Политическое влияние Грузии, хотя оно было на Кавказе и недолгим, привело к усилению экономических и культурных взаимосвязей кавказских народов. Оживляются торговые связи, о чем свидетельствует найденное в Дагестане множество монет грузинской чеканки. В то же время монета дербентской чеканки была распространена в закавказских городах.

В этих условиях грузинскими правителями усиливаются попытки продолжить христианизацию Дагестана и с этой целью активизируется миссионерская деятельность. Строятся памятники христианского культа. В XI–XII вв. христианские храмы были «в Антцухе, Тенухи», у «народа Хундзи». Активная деятельность христианской церкви в Дагестане связана с именем царицы Тамары, в период правления которой предпринимались попытки к распространению христианства и среди северокавказских народов. Материалы Урадинского христианского могильника, относящиеся к XIV в., подтверждают, что территория Гидатлинской федерации образованной джамаатами шести селений (Урада, Гинта, Гидиб, Хотода, Гоор и Кахиб), оставалась христианской. Найденная на камне надпись сообщает, что Гидатль принял ислам в 880/1475 году (Шихсаидов А.Р., 2010. 18 сентября).

Успешное продвижение христианства грузинского происхождения было заторможено и приостановлено распространением и утверждением в Дагестане ислама. По мнению известного дагестанского арабиста М.-С.Саидова, в XV веке ислам вытеснил христианство из гидатлинской Аварии, куда оно было занесено грузинскими миссионерами (Саидов М.-С., 1976. С. 123).

Изменение международной обстановки на Кавказе и вокруг него в XVI–XVII в. привело к усилению притязаний крупных держав того времени – султанской Турции, шахского Ирана и царской России на приглянувшиеся им кавказские земли. Они оказывали

значительное влияние на кавказские дела, подталкивали их владетелей к военным столкновениям между собой.

В набегах на Грузию владетели Дагестана видели наиболее легкий путь к наживе, обогащению и укреплению своих позиций, подчинению своей власти соседних владений. Однако при обращении к этой теме многие исследователи основное внимание уделяют набегам дагестанских феодалов на Грузию, забывая о не прерывающихся связях народных масс, осуждающих набеги как с одной, так и с другой стороны. Набеги отвлекали горцев от производительного труда, и не они одобряли варварские действия своих владетелей. Им они противопоставляли труд земледельца и скотовода. Поэтому, было бы неправильно полагать, что грузино-дагестанские отношения рассматриваемого времени сводились только к бесконечным военным столкновениям.

Для улучшения взаимоотношений между Грузией и Дагестаном их владетели заключали между собой династические браки. Кахетинский царь Леван обвенчался с дочерью шамхала. Дочери шамхала были замужем за сыновьями Александра. Кахетинские цари на службу в свои военные дружины привлекали горцев Дагестана.

Послы Кахетии в Москве отмечали, что царь Грузии «в любви и дружбе» с Крым-шамхалом и что «кумыцкая земля половина с ним». Послы царя в начале XVII в. сообщали в Москву: «Да с нами же лезгинские и шевкальские люди, те, что с нами быть им в миру, а на лихо смотрят за один с нами; на то и договор у нас» (История Дагестана. 1967. С. 276).

Дагестан поддерживал с Грузией торгово-экономические связи. Основными предметами торговли между двумя соседями были шелковые ткани, бурки, паласы, сукно, шкуры, оружие. Купцы из Грузии приезжали в торгово-ремесленные центры Дагестана – Дербент, Тарки, Эндирей и др. Дагестанские торговцы бывали в Телавах, Греми, Базари и других торговых центрах Восточной Грузии. Торгово-экономические связи между Грузией и Дагестаном способствовали развитию их производительных сил.

Экономические взаимосвязи народов двух стран позитивно влияли и на развитие дагестано-грузинских культурных связей. В результате усиливающихся разносторонних взаимосвязей, тесного общения народов Грузии и Дагестана в состав андо-дидойских языков вошли слова из грузинского языка. В свою очередь, из аварского в грузинский язык вошел ряд слов из грузинского языка, относящихся к предметам быта и обихода. Много общего было в орнаментальном искусстве, в резьбе по камню и дереву. Грузинское влияние заметно в архитектуре бежтинцев. Планировка в бежтинских аулах имеет много сходного с планировкой восточногрузинских сел (История Дагестана. 1967. С. 277).

В еще более сложной международной обстановке протекали взаимоотношения Дагестана и Грузии в XVIII в., что объяснялось интересом к господству над кавказским регионом трех держав – Турции, Ирана и России.

В начале XVIII в. русское правительство усилило свое внимание на кавказском направлении, надеясь через Каспийское море вести всю индоевропейскую торговлю и стать посредницей в торговле между Востоком и Европой. Еще в 1700 г. Петр I напутствовал астраханского воеводу Мусина-Пушкина наладить дружественные и торговые сношения с дагестанскими горцами. Успешно окончив Северную войну, Петр I решил добиться присоединения прикаспийских владений Кавказа к России. 27 июля 1722 г. он высадился в Астраханском заливе. Туда же подошла русская конница. К ним присоединились князья и феодалы владетели Северного Кавказа (История Дагестана. 1967. С. 344, 348).

15 августа русские войска двинулись к Дербенту и 23 августа они без боя вступили в город. К Петру I в Дербент явились представители различных слоев населения Баки, Шемахи, Сальяна, Решта, Тифлиса, Еревана с просьбой о принятии в подданство России. Царь Картли Вахтанг VI отправился в Гянджу, чтобы, как он сообщал Петру I, соединить свое ополчение с русскими войсками и выступить против турецких и иранских завоевателей.

Однако Петр I прервал свой Каспийский поход, оставив в покоренных областях гарнизоны. Но это не означало, что Петр I отказался от своих далеко идущих планов. В письме к Вахтангу VI, просившему о помощи, он писал: «Когда Баку взят будет и мы на

Каспийским морем укрепимся, то ему тогда в помощь войска наши, сколько потребно будет, прислать не оставим... Наш первый интерес, дабы оставаться на Каспийском море, без чего ничего делать нельзя».

Первые же крупные успехи России на Кавказе вызвали серьезное беспокойство Турции и Ирана (*Гасанов М.Р.*, 2004. С. 201–202). Используя религиозный фактор, Турция пыталась инспирировать выступления дагестанских феодалов против Грузии. Ираклий II в письмах к царскому двору не раз отмечал, что владельцы Дагестана и Азербайджана объединились против Грузии по диктовке турецкого султана. Однако столкновения между Дагестаном и Грузией происходили не столько под внешним влиянием, сколько были связаны с социально-экономическими и политическими причинами, уровнем их развития. Военные набеги были не односторонним явлением, их устраивали как дагестанские, так и грузинские феодалы, хотя, если судить по источникам, их чаще совершали дагестанские владельцы.

В то же время, надо заметить, что даже в такой сложной обстановке народы Дагестана и Грузии поддерживали друг друга в борьбе против иноземных завоевателей. Когда в 1770 г. Казикумухский хан решил воспользоваться благоприятной обстановкой и напасть на Грузию, занятую борьбой с Турцией, он не смог собрать необходимые силы и вынужден был отложить нападение на Грузию (*Гасанов М.Р.*, 2004. С. 277).

Султанская Турция не раз пыталась привлечь на свою сторону дагестанских горцев для организации совместного нападения на Грузию. С этой целью посланцы султана были отправлены к аварскому Умма-хану с большими подарками, денежным вознаграждением и обещанием легкой добычи в случае их нападения на Грузию. Однако ополчение горцев выразило свое не согласие выступить против Грузии и просило Умма-хана «о возвращении» их в свои дома. Предводителям горцев не оставалось делать ничего, как отказаться от нападения на Грузию.

Во второй половине XVIII в. было немало случаев, когда владельцы Дагестана поддерживали грузинские царства в их борьбе против иноземных завоевателей. В 1768 г. отряды горцев Дагестана сражались совместно с войсками имеретинского царя Соломона против Турции. Картлийско-кахетинский царь Ираклий II приглашал к себе горцев на службу для борьбы с Персией. Такую же помощь дагестанские горцы оказывали ему в его борьбе против Турции.

В этой обстановке взаимной военной поддержки дальнейшее развитие получили торгово-экономические и культурные связи народов Дагестана и Грузии. Население Дагестана сбывало в Грузии изделия домашних промыслов, меха, марену, мед, воск, масло, сыр, скот, андийские бурки, сукна, паласы, ковры, оружие и т.д. Для продажи своих товаров они ездили в Тифлис, Сухуми, Поти, Батуми и другие города Грузии. В Телави имелись лавки с лезгинскими товарами.

Из Грузии в Дагестан привозились для продажи железо, соль, кукуруза, пшеница и другие товары, продукты сельского хозяйства. Начиная со второй половины XVIII в. по разрешению российского правительства грузины начали расселяться на севере Дагестана, в районе Кизляра. В свою очередь, горцы Дагестана уходили на заработки в Грузию, занимались преимущественно ремеслом и торговлей (*Гасанов М.Р.*, 2004. С. 385–387).

В притязаниях на Кавказ от Турции не отставал и Иран. Пришедший в начале 90-х годов XVIII в. к власти в Иране Ага-Мухамед-хан Каджар, подстрекаемый западноевропейскими государствами, потребовал от владельцев Закавказья и Дагестана подчинения своей власти. Последние решительно отвергли домогательства иранского шаха. Царь Грузии Ираклий II, Мир-Мустафа-хан Талышинский, Ибрагим-хан карабахский и преобладающая часть дагестанских феодалов не подчинились иранским агрессорам.

Россия проявила готовность признать Ага-Мухаммед-хана шахом Ирана при условии, если он откажется от притязаний на эти территории. Однако Ага-Мухаммед-хан собрал огромную армию, с которой вступил во владения Ибрагим-хана Карабахского. Встретив здесь упорное сопротивление, Ага-Мухаммед-хан внезапно вторгся в Грузию и занял Тбилиси, подвергнув город грабежу и разорению (*История Дагестана*. 1968. С. 9).

После такого успеха он потребовал покорности от народов Дагестана. Шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский, кадий Табасаранский, Али-Султан Дженгутаевский и другие дагестанские владетели, собравшись на общий совет, единодушно отклонили требования персидского завоевателя и решили принять все меры к оказанию сопротивления шаху.

Одновременно они обратились за помощью к России, которая взяла под свое покровительство шамхала Тарковского, уцмий Кайтагского и хана Дербентского. В Дагестан из Кизляра были направлены русские войска. Вместе с тем, владетелям Дагестана было предложено собрать ополчение и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персидских войск. Помощь России помогла приостановить нашествие войск Ага-Мухаммед-хана на Дагестан.

Несмотря на серьезный урок, преподанный Россией Ирану, однако последний, подстрекаемый Великобританией, в начале XIX в. вновь стал готовиться к войне. Иран усилил антирусскую пропаганду на Кавказе, чтобы поднять его народы на борьбу против России. Но его настойчивые призывы не имели успеха. Более того, большая часть феодальных правителей Дагестана и грузинские цари, руководствуясь интересами своих народов, ориентировались на Россию.

Летом 1801 г. Александру I с прошением о принятии в русское подданство обратились уцмий Кайтага, владетель Табасарана, дербентский хан и другие владетели Северо-Восточного Кавказа. В сентябре 1801 г. к России была присоединена Восточная Грузия и Дагестан оказался окруженным русскими владениями (История Дагестана. 1968. С. 14–15).

В сентябре 1802 г. в Георгиевске был созван съезд владетелей Дагестана и Азербайджана. Участники съезда подписали договор, который обязывал их сохранять преданность России, не затевать междоусобий, разбирать взаимные споры дружески, по общим законам, а в случае нападения шахской Персии «ополчиться единодушно всем к прогнанию общего их неприятеля».

Георгиевский договор способствовал развитию и укреплению торгово-экономических связей народов Северного Кавказа с грузинскими, армянскими и другими купцами. Он представлял грузинским купцам одинаковые права свободы передвижения на Северном Кавказе и в России наряду с русским купечеством. Договор юридически оформил «федерацию» кавказских владетелей под верховенством России. Это был серьезный акт по укреплению русско-дагестанских и русско-кавказских связей (Гасанов М.Р., 2004. С. 233–234).

Успехи восточной дипломатии России были подкреплены и расширены победами русской армии в русско-турецкой и русско-персидской войнах, завершившихся заключением Бухарестского (май 1812 г.) и Гюлистанского (сентябрь 1813 г.) мирных договоров. По условиям Гюлистанского мирного договора шахский Иран отказывался от притязаний на Дагестан, Грузию, ханства Кубинское, Ширванское, Карабахское и Ганджинское (История Дагестана. 1968. С. 26–27).

Гюлистанский мирный договор имел огромное значение как для России, так и для народов Кавказа, в том числе Дагестана. Подготовленный всем ходом российско-кавказских отношений договор ограждал Кавказ и Дагестан от иранских притязаний, обеспечивал народы Кавказа от внешних посягательств других агрессоров, способствовал их социально-экономическому развитию.

Эти договора дали возможность активизировать торгово-экономические и культурные связи народов Дагестана и Грузии, испытывающих необходимость расширения экономических связей. Восточная Грузия являлась своего рода житницей для Дагестана. В одном из документов, относящихся к началу XIX в., говорилось: «Аварцы без сношений с нашими владениями (имеется в виду с Закавказьем), откуда они получают хлеб, соль и вообще все первые потребности жизни, существовать не могут» (Гасанов М.Р., 2004. С. 306).

Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, генерал И.Ф.Паскевич, хорошо знавший положение горцев, писал Нессельроде: «Главные нужды аварцев, заставляющие иметь торговые сношения с сопредельными российскими областями, состоят в соли, хлебе» (Гасанов М.Р., 2004. С. 306).

Кроме хлеба и соли в торговле между Дагестаном и Грузией преобладали ткани, бурки, сукна, шелк, бумажное полотно, коровье масло, свежие и сушеные фрукты и другие продукты и товары.

О необходимости такого торгового обмена между соседними народами свидетельствовали многочисленные обращения к властям не только отдельных горцев, но и целых обществ с просьбой о разрешении торговли с Кахетией. Один из дагестанских владетелей писал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом, генералу из грузин П.Д. Цицианову: «Прошу покорнейше пожаловать мне вид, вашу печатью утвержденный, дабы со стороны моей из трех селений Хунза, Баклолала и Каралала могли ездить для торговли... как они прежде езжали» (*Гасанов М.Р.*, 2004. С. 307).

Таких обращений было множество и власти охотно предоставляли такое разрешение. После вхождения в состав единой многонациональной России Грузии и Дагестана необходимость в таких разрешениях отпала и их народы могли свободно общаться друг с другом.

Описывая Тифлис конца 20-х годов XIX в., автор книги «Тифлис» Н.И. Бадриашвили указывал, что в нем на майдане бывали воскресные ярмарки. По его словам «Тогдашний майдан в базарные дни, несомненно, был живым музеем народов и племен Кавказа: тюрок, грузин, армян, персов, евреев, лезгин, осетин, чеченцев, ингушей, во всей красочной пестроте национальных костюмов» (Цит.: *Гасанов М.Р.*, 2004. С. 310).

Уже будучи в составе многонациональной России, народы Грузии и Дагестана получили возможность для тесного общения как между собой, так и с другими народами своей общей родины, способствовавшему их культурно-духовному росту и сближению. Известный грузинский литературовед Г. Цицишвили, обобщив один примечательный факт из грузино-дагестанских взаимоотношений советского времени писал: «... Всесоюзная слава Расула Гамзатова родилась и началась в Грузии. И это не случайно, историко-географическая близость наших народов породила и нашу духовную близость, вызвала переключку наших сердец, наших поэтов, благословила их братство» (Цит.: *Гасанов М.Р.*, 2004. С. 515).

Слова академика Г. Цицишвили можно отнести и к брату Расула Гаджи Гамзатовичу, в 1980 г. защитившему в Тбилиси докторскую диссертацию, а ныне являющемуся академиком РАН. Таких примеров, свидетельствующих о двустороннем и взаимообогащающем характере культурных связей народов Грузии и Дагестана, можно привести великое множество на всем историческом пути кавказских народов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.
Гасанов М.Р., 2004. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды). Махачкала.

Атаев Д.М., 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала.

Шихсаидов А.Р., 2010. Рукописная коллекция Хаджи Ибрагима из Урады // Дагестанская правда. Народная газета.

Саидов М.-С., 1976. Из истории возникновения письменности у народов Дагестана // Языки Дагестана. Махачкала. Вып.3.

История Дагестана. 1967. Т.1. М.; 1968. Т. 2. М.